

Содержание

ISSN 2587-8190

Алексей Попович. «Путник» Иоанна Тобольского (Максимовича). <i>Частный человек на фоне сотворения империи</i>	129
Мария Начинкова. <i>Mise en abyme</i> в романе И. А. Гончарова «Обрыв»	154
Екатерина Косова. К. К. Случевский и В. Ф. Ходасевич. <i>Генезис смежных образов и мотивов</i>	171
Владимир Турчаненко. Дискуссия о «Пушкинской энциклопедии» в 1930-е годы	189
Роман Тименчик. Нимфа Эхо у Ахматовой	210
Анна Алцибеева. Сценарий как законченное произведение. Повесть «Пикник на обочине» и сценарий «Машина желаний» А. Н. и Б. Н. Стругацких	232

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2021 XVII (2)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Летняя школа по русской литературе

2021 (2)

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виноцкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года
Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186
ISSN 2587-8190 = Letnáá škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021
© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Alexey Popovich. John of Tobolsk (Maksymowicz)'s Journey. <i>A Private Person in the Background of the Creation of the Empire</i>	129
Mariia Nachinkova. <i>Mise en abyme</i> in Ivan Goncharov's Novel The Precipice	154
Ekaterina Kosova. Konstantin Sluchevsky and Vladislav Khodasevich. <i>Genesis of Related Images and Motives</i>	171
Vladimir Turchanenko. A Discussion About the Pushkin Encyclopedia in the 1930s	189
Roman Timenchik. The Nymph <i>Echo</i> in Akhmatova's Poetry	210
Anna Altsibeeva. The Scenario as a Completed Work. <i>Roadside Picnic</i> and <i>The Machine of Wishes Scenario</i> by A. N. and B. N. Strugatsky	232

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),
Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.
Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

ЕКАТЕРИНА КОСОВА
(Санкт-Петербург)

К. К. СЛУЧЕВСКИЙ И В. Ф. ХОДАСЕВИЧ

Генезис смежных образов и мотивов

В статье рассматривается интертекстуальная преемственность творчества В. Ф. Ходасевича по отношению к стихам К. К. Случевского. Делается попытка описать характерные особенности поэзии К. К. Случевского и В. Ф. Ходасевича, сближающие их творчество, а также выявить закономерности формирования идентичных образов и мотивов.

Ключевые слова: К. К. Случевский, В. Ф. Ходасевич, символизм, интертекст.

Информация об авторе: Екатерина Геннадьевна Косова, студентка Европейского университета в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: kate.kosova@mail.ru

Konstantin Sluchevsky and Vladislav Khodasevich

Genesis of related images and motives

The article investigates the intertextual continuity between V. F. Khodasevich's and K. K. Sluchevsky's poems. There are described the characteristic features of the poetry of Sluchevsky and Khodasevich, bringing their compositions closer together, and revealed the patterns of formation of identical images and motives.

Key words: K. K. Sluchevsky, V. F. Khodasevich, symbolism, intertext.

About author: Ekaterina Kosova, student at European University at Saint Petersburg. Saint-Petersburg, Russia.

E-mail: kate.kosova@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-2-171-188

Об истоках творчества В. Ф. Ходасевича к настоящему времени написано немало научных работ. Интерес исследователей сосредоточен преимущественно на влиянии на поэта ключевых фигур русской литературы, таких как А. С. Пушкин¹,

¹ См. об этом: Солнцева Н. М. Поэзия В. Ф. Ходасевича: От символизма к неоклассицизму // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 173–178.

Н. А. Некрасов¹, Ф. М. Достоевский² и др³. Воздействие на творческое сознание Ходасевича поэтов так называемого «второго ряда» обычно не привлекало внимание литературоведов. В то же время критик В. В. Вейдле, один из близких друзей Ходасевича, проблематизировал его поэтическую генеалогию, задаваясь вопросами об истоках своеобразной творческой манеры писателя:

Где же эта опора, эти корни, этот национальный смысл поэзии Ходасевича и с чем в истории русской литературы мы не должны забывать его родства? Связь его с символистами, если не считать его первых, то есть совсем еще не его стихов, — только бытовая; центральная линия русского символизма, если ему и не вполне враждебна, то по крайней мере достаточно чужда. Скорей было бы возможно установить у него некоторую связь с поэтами того странно-бездомного, к которому принадлежал Случевский и из которого отчасти вышел Анненский. Но связь Ходасевича со Случевским главным образом (хоть и не исключительно) в том, что Ходасевич что-то выразил такое, о чем Случевский знал, но чего он выразить не умел. Сходство здесь не в результатах, а в намерениях, и оно может указывать на родство душ, но никак не на родство искусства.⁴

Сам Ходасевич сознавал влияние Случевского на собственное творчество, о чем свидетельствует воспоминание Н. Н. Берберовой: «Он сам вел свою генеалогию от *прозаизмов* Державина, от некоторых наиболее “жестких” стихов Тютчева, через “очень страшные” стихи Случевского о старухе и балалайке⁵ и “стариковскую интонацию”

¹ См. об этом: *Успенский П. Ф.* «Начинаются мрачные сцены»: Поэзия Н. А. Некрасова в «Европейской ночи» В. Ф. Ходасевича // *Europa Orientalis*. 2012. № 31. С. 129–170.

² См. об этом: *Успенский П. Ф.* Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). Тарту, 2014. С. 173–178.

³ См. об этом: *Скворцов А. Э.* Об источниках некоторых стихов Владислава Ходасевича // *Скворцов А. Э.* Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика. М., 2015. С. 43–71.

⁴ *Вейдле В. В.* Поэзия Ходасевича // *Современные записки*. 1928. Кн. 34. С. 453.

⁵ Об этом стихотворении М. А. Волошин пишет «Только один Случевский («После казни в Женеве») находил такие реальные, такие мучительные сравнения, как Анненский» (*Волошин М. А.* И. Ф. Анненский — лирик // *Волошин М. А.* Лики творчества / Изд. подг. В. А. Мануйлов, В. П. Купченко, А. В. Лавров. М., 1988. С. 526 («Литературные памятники»)).

Анненского» (курсив наш. — *Е. К.*).¹ Однако несмотря на столь явные свидетельства, необходимость серьезного подхода к изучению интертекстуальной связи между Случевским и Ходасевичем впервые высказал А. Э. Скворцов только в наши дни.² Исследователь отметил, что «Случевский мог интересовать Ходасевича как едва ли не единственный поэт второй половины XIX века, которому удалось дерзко совместить классические стихотворные формы со стилистическими новациями и темой дисгармонического, какофонического мира».³

В нашей статье мы попытаемся развить сделанное Скворцовым наблюдение. А также, опираясь на цитату Вейдле, более подробно описать характерные черты, которые объединяют поэзию К. К. Случевского и лирику В. Ф. Ходасевича, и сделать попытку интерпретации генезиса сходных образов и мотивов, которые критик связывал со сходством поэтических «намерений».

I

Принадлежа к эпохе «безвременья»⁴ — при еще не расцветшем символизме, но уже не относясь к романтизму — К. К. Случевский в своих стихотворениях предвосхитил многие поэтические открытия XX века. Восприняв опыт прозы второй половины XIX века, Случевский одним из первых обратился к мрачным сторонам и изломам человеческой души — тому, что ранее волновало Достоевского и что будет позже тревожить символистов.⁵ Вслед за Достоевским исследуя «духовный мир человеческой души, в особенности

¹ Берберова Н. Н. Памяти Ходасевича // Современные записки. 1939. № 69. С. 260.

² Скворцов А. Э. О влиянии К. Случевского на В. Ходасевича // Скворцов А. Э. Самосуд неожиданной зрелости: Творчество Сергея Гандлевского в контексте русской поэтической традиции. М., 2013. С. 182–188.

³ Скворцов А. Э. Об источниках некоторых стихов Владислава Ходасевича. С. 61.

⁴ См. об эпохе «безвременья»: Ермилова Е. В. Поэзия на рубеже двух веков // Смена литературных стилей: На материале рус. литературы XIX–XX вв.: [Сб. статей]. М., 1974. С. 58–120.

⁵ См. об этом: Тахо-Годи Е. А. Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000. С. 251–252.

в его болезненных отклонениях»,¹ Случевский смог изобразить человека среди земных «мытарств», гротескно живописуя окружающий его мир, и в то же время пройти сквозь него к «неуловимому», иному, спрятанному за прозаическими фрагментами действительности. Мы предполагаем, что совмещение символических интенций и реалистического мировосприятия как примета особого поэтического стиля было унаследовано Ходасевичем в том числе от Случевского. Показательно, что о Ходасевиче будут писать как о продолжателе именно прозаической русской традиции, именуя его «поэтом чистого гротеска» — приема, который «более сродни русским прозаикам, — от Гоголя и Достоевского до Замятина и Бабеля, — чем русским поэтам».²

Следует отметить, что влияние Случевского на символистов было весьма велико. Это не раз отмечали исследователи: «Дерзость Случевского <...> в смелой попытке выразить мучившие его противоречия, одержимость демонами, сумятицу и скепсис, переполнявшие душу. Он “растрепал романтический стих до полного пренебрежения к деталям. Он <...> начал писать <...>, вводя читателя в дебри своих мыслей и впечатлений, почти недоступных постороннему...”, и тем самым подготовил почву для неоромантиков — символистов»³. Хотя Вейдле и отрицает в приведенной выше цитате воздействие символистов на Ходасевича, очевидно, что поэт испытывал сильнейшее влияние этого направления в ранний период своего творчества.⁴ Случевского же Ходасевич почитал как одного из отцов русского символизма, о чем сам писал в статье 1912 года: «...широкой публике

¹ *Случевский К. К.* Достоевский: Очерк жизни и деятельности. СПб., 1889. С. 33.

² *Радле Ф.* Ходасевич — поэт гротеска // Воздушные пути. 1965. № 4. С. 259.

³ *Приходько В. А.* «А Ярославна все-таки тоскует...» // Случевский К. К. Стихотворения / Сост. и вступ. ст. В. А. Приходько. Петрозаводск, 1981. С. 16.

⁴ «Таким образом, все направляло молодого, болезненного и оттого еще более самоуглубленного человека к символизму, переживавшему тогда свой расцвет» (*Богомолов Н. А.* Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Ходасевич В. Ф. Стихотворения. Л., 1989. С. 8. («Б-ка поэта». Большая сер.)).

и поныне неизвестно творчество отцов русского символизма: Случевского, Фета, Влад. Соловьева...»¹

Символическое мировосприятие, одна из особенностей которого (характерная в основном для декадентской поэзии) связана с идеей преодоления земного бытия и познания через сон (равный смерти) некоего бытия иного, истоки чего лежат в романтическом двоемирии, было освоено и переосмыслено Случевским и подхвачено Ходасевичем. Символическая поэзия очень далеко отстоит от реальности: трансцендентные чувства, описываемые «тёмным» языком, имеют мало общего с конкретными и вещественными «переходами» в иной мир Ходасевича и Случевского. Кроме «духовной смерти», которая завораживала символистов, Случевский и Ходасевич вслед за Достоевским исследовали физическую составляющую смерти. Неслучайно Ходасевич называет в числе главных стихотворений, повлиявших на него, текст Случевского «После казни в Женеве», который Л. Л. Пильд связывает с эпизодами романа Достоевского «Идиот», когда князь Мышкин рассказывает о том, как видел казнь преступника.² Также стихотворение Ходасевича «В Петровском парке» П. Ф. Успенский анализирует в контексте самоубийства Ставрогина.³

Отсюда можно сделать вывод, что поэтики и Случевского, и Ходасевича отличаются от символистской теми чертами, о которых вспоминает Нина Берберова в связи с генеалогией творчества, выстроенной Ходасевичем, а именно: прозаизмами, «страшными» образами и «стариковской» интонацией. В этом обнаруживается общность двух поэтов. Указанные особенности требуют подробного рассмотрения,

¹ Ходасевич В. Ф. Надсон // Собр. соч.: В 8 т. / Сост., подг. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; вступ. ст. Р. Хьюза. М., 2010. Т. 2. С. 97. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием номера тома и страницы.

² Пильд Л. Л. О литературных подтекстах и рецепции стихотворения К. Случевского «После казни в Женеве» // *Humaniora: Litterae Russicae. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение*. Тарту, 2009. Вып. VII (Новая серия): К 80-летию со дня рождения З. Г. Минц, к 85-летию со дня рождения Ю. М. Лотмана. С. 178–191.

³ Успенский П. Ф. Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). С. 165.

поскольку многие из них упоминает сам Ходасевич, когда речь идет о Случевском: «Одна из интереснейших черт “Очарований земли” та, что в этой книге слышится *спокойный*, как бы уже *старческий голос* поэта. Кроме Случевского, таким голосом из русских поэтов не умел говорить никто. <...> Не менее примечательна здесь и тонкая игра *прозаизмами*, сдержанная настолько, чтобы стихи все же оставались стихами, и придающая им особенную, изысканную остроту. И конечно, надо быть большим поэтом, чтобы безнаказанно шутить с такими опасностями, как *старческий голос* и *прозаизм*».¹

Склонность Анненского к «старческой интонации», которую Ходасевич включает в свою творческую генеалогию, оказывается на деле открытием Случевского. В его «Загробных песнях» мы найдем множество примеров того, когда лирический герой, который попал в «тот мир» и обрел большее знание, обращается к людям. Знание для Случевского — это «чаяние бессмертия», отречение перед смертью от страха, который свойственен всем людям:

Под конец, я помню, жизни,
 Все ясней из года в год,
 Я привык, по-стариковски,
 Не заглядывать вперед.

(«Под конец, я помню, жизни...»)²

Интересно, что Ходасевич начал «шутить» «старческим голосом» уже в раннем своем творчестве. Об этом писала, например, Мариэтта Шагинян:

Лирический путь Ходасевича обратен обычному пути поэта, и здесь тоже причина его одинокой замкнутости. Он никогда не был молод; уста его никогда не глаголили от избытка, окрашивающего каждую птицу на току и превращающего молодость почти в синоним гениальности. Он начал сухо и желчно, — горькой смесью желчи и укуса; его первый

¹ Ходасевич В. Ф. Федор Сологуб. Очарования земли (Стихи 1913 г.) // П, 182; курсив наш. — Е. К.

² Цит. по: Случевский К. К. Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подг. текста и прим. Е. Тахо-Годи. СПб., 2004. С. 432 («Новая библиотека поэта»). Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках в тексте.

сборник «Молодость» кажется названным в насмешку. Но зато он и не полинял. <...> недобрая колючесть его странной, старческой молодости — не перешла в угрюмое чудачество. Ходасевич, по мере того как современные ему поэты старели, лиялись, шли на ущерб, — очеловечивался и наполнялся.¹

Сопоставляя Случевского с европейскими символистами, В. А. Приходько пишет: «Если Верлен требовал музыки прежде всего, что было близко и Фету, Случевский обосновывал своей поэтической практикой *требование правды...* даже за счет музыки; его шершавые “прозаизмы”, противопоставленные “поэтизмам” эпигонов, свидетельствовали не о дурном вкусе; они предвещали беспредельное расширение границ изображаемого в лирике будущего столетия».² Говоря о прозаизмах в поэзии, исследователи связывают их со стремлением к правдоподобию, реалистичности, которая, будучи доведенной до предела, вызывает те самые «мучительные сравнения» Случевского, о которых в связи со стихотворением «После казни в Женеве» пишет Волошин. Несмотря на то что одну из центральных тем стихотворений Случевского и Ходасевича составляет идея ухода от реальности, о чем мы скажем далее, оба поэта не отказываются от изображения «какофонического мира», а, наоборот, живописуют его уродливые черты, вызывающие отвращение, и, сполна вкусив земных мытарств, вырываются из них. В статье «Поэзия Ходасевича» Вейдле говорит о возможности с помощью прозаизмов сказать «самое простое и самое страшное» о мире.³ Для Ходасевича невозможно преодолеть реальность, игнорируя ее конкретные проявления:

Иль сон, где, некогда единый, —
Взрываясь, разлетаюсь я,
Как грязь, разбрызганная шиной
По чуждым сферам бытия

(«Весенний лепет не разнежит», 1923. — I, 158).

¹ Шагинян М. С. Владислав Ходасевич. Путем зерна // Шагинян М. С. Литературный дневник. М.; СПб., 1923. С. 124.

² Приходько В. А. «А Ярославна все-таки тоскует...». С. 15; курсив наш. — Е. К.

³ Вейдле В. В. Поэзия Ходасевича. С. 459.

Именно с введением прозаической лексики при сохранении символического взгляда на мир связывает Н. А. Богомолов отличие Ходасевича от символистов:

Темы его стихов ведь по-прежнему остаются «высокими»: любовь, смерть, время как субстанция и как живая современность, судьба народа, творчество... Но развиваются они в самой бытовой и даже низкой обстановке. Взаимопроникновение «реального» и «реальнейшего», которое, по мысли Вяч. Иванова, составляло сущность истинного, реалистического символизма, представлено у Ходасевича чрезвычайно наглядно. Но вместе с тем он уходит от непрременной возвышенности, от которой символисты никогда не могли и не хотели отказываться.¹

Ходасевича тревожит жизнь в самом тривиальном значении, он живописует невзрачные ее стороны. Однако стихи его не снисходят до очеркового стиля прозы: в описаниях низких, а иногда и страшных подробностей виденного вокруг всегда слышится стремление поэта преодолеть несовершенство мира.

С этим связана еще одна особенность лирики Ходасевича, которую также отмечает Вейдле — сюжетность. В стихотворениях Случевского и Ходасевича, изобилующих прозаизмами, сюжет оказывается неизбежностью: прозаизмы и сюжетность обуславливают друг друга. Так, о стихотворении Ходасевича «Перешагни, перескочи...» (1922) Вейдле пишет следующее:

Стихи эти характерны для Ходасевича как своей *сюжетностью*, так и своим сюжетом, связанным с основной темой всей лирики его зрелых лет. Сюжетностью я называю не просто наличие в стихотворении чего-то, что поддается резюмированию в немногих словах (вроде, например, «мне грустно», «я влюблен», «я умру», «жить стоит», «жить не стоит», «утро за окном и во мне», «за окном утро, во мне вечер»), а укорененность его в гораздо более сложном тематическом замысле, передаваемом довольно легко «своими словами» (но отнюдь не двумя-тремя). <...> Существует фельдетонная сюжетность, губительная для лирики (и для поэзии вообще); ее немало у Некрасова, но у него же, да

¹ Богомолов Н. А. Поэты вне течений и групп // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 656.

еще у Анненского, у Случевского, есть и образцы настоящей *лирической сюжетности*. Она вообще редка.¹

Итак, учитывая приведенные параллели, можно составить представление о единой стихотворной интонации, общей для Ходасевича и Случевского: она включает в себя прозаизмы, «старческий голос», сюжетность и страшные образы и диктует в том числе особую тему поэзии. Чтобы проиллюстрировать эти особенности, обратимся к рассмотрению тематической и мотивной общности творчества Случевского и Ходасевича.

II

В статье «Две стихии в современном символизме» (1908) Вяч. Иванов вводит понятие реалистического символизма, который, в отличие от символизма идеалистического, «интимного искусства утонченных», представляется поэту «келейным искусством тайновидения мира», задача которого — «утвердить, познать, выявить в действительности иную, более действительную действительность»,² а не воздвигнуть мистический идеал. Принципиальное отличие поэтики Случевского и Ходасевича от эстетики «чистого» символизма состоит в том, что, в противоположность символистам, для которых духовная смерть заканчивается избавлением от неудовлетворяющей их реальности, лирическому герою Случевского, а позже и Ходасевича, после смерти открывается иное *бытие*, равное новому рождению. Символисты сосредотачивают свое внимание на необходимости уснуть, не ведая наверняка, что же их ждет после. Поэтическое чувство Случевского мыслью ведет его к перерождению через смерть:

В этом — бессмертье! пусть дух, как растение, умрет,
Но сохранится, что извне воспринял он — «Я»!

(«Тайна рождения кристалла — великая тайна!..», 1902. — С. 370)

О мотиве смерти у Случевского Тахо-Годи пишет: «В сущности, здесь прослеживается та же ситуация, что

¹ Вейдле В. В. Ходасевич издали-вблизи // Вейдле В. В. О поэтах и поэзии. Paris, 1973. С. 43–44; курсив наш. — Е. К.

² Иванов Вяч. И. Две стихии в современном символизме // Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. 2. С. 553.

и в отношении к потустороннему миру, к запредельному — у символистов эта тема порождает настоящий культ смерти, вполне противоположный культу бессмертия Случевского».¹ В стихотворении Ходасевича «Путем зерна» (1917) мы находим созвучный философским представлениям о возрождении растения образ, который в данном случае связан с евангельским (Ин 12: 24):

Так и душа моя идет путем зерна:
Сойдя во мрак, умрет — и оживет она (I, 85).

В соответствии с законами обряда инициации перерождение души так или иначе связано с переходом через некие враждебные пределы. Их можно найти в гротескных сравнениях, живописующих жуткую реальность и «мытарства души» в лирике Ходасевича и Случевского. Земной мир представляется поэтам изломанным, искаженным, полным дьявольщины и ужаса; рождение и смерть в нем смешиваются, сливаясь в бессмысленную круговерть, шутку природы.

У Случевского:

Куда же это всё? зачем и почему?
Из тьмы *былого* в *будущую* тьму...
И между этих двух светящаяся щель
Сегодняшнего дня!!.. Господня карусель
По узкой трещине нерукотворной тьмы
С чудовищной утробой... В ней все мы
Как блестяшки зажигаемся вертаться,
И, чуя сердцем внутреннюю связь
С самоубийством жизни дня рождений —
Идем путем вражды и тяжких преступлений!..

(«И десять было их... их на руках несли...»,
С. 473; курсив наш. — Е. К.),

у Ходасевича:

Должно быть, жизнь и хороша,
Да что поймешь ты в ней, спеша

¹ *Тахо-Годи Е. А.* Валгалла Константина Случевского или вечный дебют // Случевский К. К. Стихотворения и поэмы. С. 27.

*Между купелию и моргом,
Когда мытарится душа
То отвораченьем, то восторгом?*

(«Из дневника». — I, С. 178; курсив наш. — Е. К.)

Попытки символистов отвергнуть все земное и воздвигнуть миф заканчиваются разочарованием в мечте и трагическим возвращением в реальность. В отличие от них, за отправную точку мировоззрения Ходасевич вслед за Случевским (вспоминая «страшные стихи о старухе с балалайкой») берет трезвое осознание бытия, которое не оставляет места для символистского мифотворчества.

Мелькающий перед глазами мир, изъяны которого очевидны лирическим героям Ходасевича и Случевского, не дает им покоя и во сне, куда так стремительно бегут романтические герои поэзии XIX века и символисты. Для иллюстрации этой мысли крайне любопытно сопоставить два стихотворения:

* * *

* * *

Отдохните, глаза, закрываясь	Он не спит, он только забывает:
в ночи,	Вот какой несчастный человек.
Вслед за тем, что вы днем	Даже и усталость не смыкает
увидали!	Этих воспаленных век.
Отчего-то вы, бедные, так	
горячи,	Никогда ничто ему не снится:
Отчего так глубоко устали?	На глаза всё тот же лезет мир,
Иль нельзя успокоить вас,	Нестерпимо скучный,
очи, ничем,	как больница,
Охладить даже полночи тьмою! —	Как пиджак, заношенный
Спишь глубоко, а видишь	
во сне между тем:	до дыр
Те же люди идут пред тобою...	(Ходасевич, 1922. — I, С. 302)
(Случевский, С. 104)	

Не находя спокойствия в земном существовании, поэты обращаются к взгляду на жизнь через призму иного бытия, загробного мира, умозраительно попадая в который, они обретают иное видение земного — будто бы с точки зрения вечности. При этом важно, что действительность

не отрицается ими. Преобладающим в поэзии Случевского и Ходасевича остается гротескное описание мира, которое подавляет идеалистические представления; реалистичность становится основной характеристикой мира, хотя художественное сознание не лишается полностью символистских устремлений. Выше мы упоминали о «реалистическом символизме», определение которому дал Вяч. Иванов. В связи со сделанными наблюдениями, которые не позволяют называть интересующих нас поэтов символистами, мы берем на себя смелость перевернуть термин и говорить об их «символическом реализме».

Стремлению вырваться из земной оболочки, избавиться от оков тела и постичь «иной» мир посвящены многие стихи обоих авторов. Показательны строки из стихотворения Случевского «Дух отлетает! вот если б в окно!», в котором задается мотивный комплекс сюжета, встречающегося позднее у Ходасевича:

Дух отлетает! вот если б в окно!
Было бы просто и ясно оно;
Можно б, пожалуй, увидеть, схватить!
То-то б мы стали уверенно жить! (С. 381)

Случевский использует фразеологическое выражение «дух отлетает», однако в контексте стихотворения оно приобретает буквальное значение. Дух, вырвавшийся из тела, метонимически воплощается в образе кинувшегося из окна человека, добровольно освободившего свою душу от оков. Схожая конструкция («вот если б в окно») возникает в созвучном стихотворении Ходасевича «Было на улице полутемно...» (1922),¹ в котором также исполняется намерение совершить «полет»:

Было на улице полутемно.
Стукнуло где-то под крышей окно.

Свет промелькнул, занавеска взвилась,
Быстрая тень со стены сорвалась, —

¹ На сходство данных стихотворений впервые обратил внимание А. Э. Скворцов: *Скворцов А. Э. Из принцев в нищие: О генезисе формы русских садистских стишков // Вопросы литературы. 2009. № 3. С. 220–221.*

Счастлив, кто падает вниз головой:
Мир для него хоть на миг — а иной (I, 167).

Ходасевич в зарисовке самоубийства стремится изобразить предшествующий смерти миг. Поэт вовсе не провозглашает счастливецом того, кто предпочел умереть, а изображает момент перехода: уже сознающий свою непричастность к мирскому падающий, все еще будучи живым, видит пролетающий у него перед глазами мир под *иным* углом. Он не на пороге смерти, а уже перешагнув его, однако именно в этот момент он по-настоящему способен обратиться к жизни, перед самой утратой обретя земной мир.

Возвращаясь к стихотворению Случевского, мы можем проследить, как поэт предполагает возможность продлить миг, изображенный позднее Ходасевичем, до целой жизни. В представленных четырех строках заметно противоречие: лирический герой хочет познать опыт самоубийства, открывающего иное видение мира, чтобы с этим видением продолжить «уверенно жить». Однако сравнивая знание «иногое» взгляда на мир с представлением о «численных выкладках» — алгебраических построениях, которые лишены телесности и непознаваемы *материально*, — лирический герой приходит к идее невозможности «схватить» тайну потустороннего.

Сопоставлению со стихотворением Случевского подлежат также следующие строки Ходасевича, в которых поэт опровергает возможность перешагнуть через жизнь, не лишившись ее:

Прорезываться начал дух,
Как зуб из-под припухших десен.
<...>

Прорежется — и сбросит прочь
Изношенную оболочку.
<...>

А я останусь тут лежать —
Банкир, заколотый апашем, —
Руками рану зажимать,
Кричать и биться в мире вашем.

(«Из дневника», 1921 — I, 136)

Имей глаза — сквозь день увидишь ночь,
 Не озаренную тем воспаленным диском.
 Две ласточки напрасно рвутся прочь,
 Перед окном шныряя с тонким писком.
 <...>
 Пока вся кровь не выступит из пор,
 Пока не выплачешь земные очи —
 Не станешь духом. Жди, смотря в упор,
 Как брызжет свет, не застывая ночи.

(«Ласточки», 1921 — I, 136—137)

В «Ласточках», сохраняя образ окна как перехода между здешним и потусторонним, Ходасевич усложняет лирический сюжет: ласточки, хоть и умеют летать, не могут «перелететь», пробиться через стекло. Несмотря на то что окно прозрачно и синева видна, «выпорхнуть туда» можно, только разбив его, равно как и обрести иное зрение можно, только «выплавав земные очи» — закрыв их и утратив возможность видеть. В стихотворении «Из дневника», еще раз обыгрывая сюжет «перехода», Ходасевич замещает «отлетающий дух» Случевского на более физиологичный образ прорезывающегося зуба. Однако вновь вместо «уверенной жизни» фантазия сталкивается с реалистичной картиной страданий смертельно раненного банкира.

III

До сих пор мы анализировали мотивные и стилистические связи стихотворений Случевского и Ходасевича. В некоторых текстах последнего звучит идея познания тайн запредельного бытия через творчество, которое возносит поэта не менее высоко над обыденностью, чем «миг падения».

Ходасевич в статье «О советской литературе» (1938) писал:

Случевский, несуразнейший и в то же время — один из глубочайших русских поэтов, дал замечательное определение художника: он его называет Фомой Неверящим. Искусство, в особенности словесное, рождается из испытания мира. В основе искусства лежит стремление к постижению, разгадыванию того, что нам в мире неведомо.¹

¹ Ходасевич В. Ф. О советской литературе // Собр. соч.: В 4 т. М., 1996. Т. 2. С. 421.

В разгадывании мира и попытке перевести тайны, «чаемые» в нем, на язык поэзии заключается «однонаправленность намерений» двух поэтов, которую отмечал Вейдле. Однако результат оказывается зависим от степени веры в слово, от изощренности формы и точности выражения, которых, по словам критика, не доставало Случевскому.¹

Лирический герой Случевского верит в корни, связующие его с божественным, высшим началом, он чаёт их найти («Ты, ясновидящий художник, вдохновленный, // Вы — грезы снов, вы — чаянья — не вздор!»), «Совсем, совсем не вдруг мы здесь в себя приходим...», С. 394), но не надеется их высказать вполне:

Не подлежит совсем сомненью,
У мысли с словом не лады,
<...>

Что ясно нам — то вас смущает,
Но, чтобы вам, как нам, прозреть,
И это всех вас ожидает —
Легко — вам надо — умереть...

(«Какие там за гробом краски?», С. 506)

Лирический же герой Ходасевича находит метафорические «ключи», избежав настоящей смерти, и вырывается из земной оболочки, пока звучит его слово:

Порок и смерть! Какой соблазн горит
И сколько нег вздыхает в слове малом!
Порок и смерть язвят единым жалом,

¹ «Несуразность» поэзии Случевского подчеркивалась многими критиками и исследователями. Так, например, Брюсов пишет: «...все у него выходило как-то нескладно, почти смешно, и вместе с тем часто пророчески сильно, огненно-ярко. <...> В своих старческих „Песнях из угла“ Случевский, как лунатик, все влечется к тому же, словно преодоленному, противоречию и снова торжествует бессмертие мечты <...>. Но где-то глубоко в его душе остается скрытое, подавленное, запрещенное сомнение в праведности своего дела — работы художника. Это сомнение разъедает его поэзию, останавливает все его порывы» (*Брюсов В. Я. Поэт противоречий (К. К. Случевский) // Брюсов В. Я. Среди стихов. 1894–1924: Манифесты. Статьи. Рецензии / Сост. Н. А. Богомолов и Н. В. Котрелев, вступ. ст. и комм. Н. А. Богомолова. М., 1990. С. 122–123; впервые: Вesy. 1904. № 10).*

И только тот их язвы убежит,
Кто тайное хранит на сердце *слово* —
Утешный ключ от бытия иного.

(«Порок и смерть». — I, 144; курсив наш. — Е. К.).

В связи с объединяющей творчество Случевского и Ходасевича темой «потустороннего» необходимо рассматривать более широкий контекст, чем символистский. Анализируя одно из программных стихотворений Случевского «Неуловимое», Е. А. Тахо-Годи говорит о сближении этого текста со словами из бесед и поучений старца Зосимы в «Братях Карамазовых»,¹ а именно: «Бог взял семена из миров иных и посеял на сей земле и возрастил сад свой и взошло все, что могло взойти, но возвращенное живет и живо лишь чувством соприкосновения своего таинственным мирам иным; если ослабевает или уничтожается в тебе сие чувство, то умирает и возвращенное в тебе».² Также и П. Ф. Успенский доказывает, что «стихотворение “Путем зерна” в значительной степени связано с Достоевским», упоминая при этом, что слова из Евангелия от Иоанна стали эпитафией к «Братьям Карамазовым».³ «Незримые облики», которые были смутно видимы Случевскому и путь к разгадке которых он лишь очертил, оказались подвластны взгляду Ходасевича, смотревшему дальше своего предшественника.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богомолов Н. А. Жизнь и поэзия Владислава Ходасевича // Ходасевич В. Ф. Стихотворения. Л., 1989. С. 5–49. («Б-ка поэта». Большая сер.).
2. Богомолов Н. А. Поэты вне течений и групп // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов): В 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 650–682.

¹ Тахо-Годи Е. А. Константин Случевский: Портрет на пушкинском фоне. С. 251.

² Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Собр. соч.: В 10 т. М., 1958. Т. 9. С. 401.

³ Успенский П. Ф. Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). С. 177.

3. *Пильд Л. Л.* О литературных подтекстах и рецепции стихотворения К. Случевского «После казни в Женеве» // *Humaniora: Litterae Russicae*. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение. Тарту, 2009. Вып. VII (Новая серия): К 80-летию со дня рождения З. Г. Минц, к 85-летию со дня рождения Ю. М. Лотмана. С. 178–191.
4. *Приходько В. А.* «А Ярославна все-таки тоскует...» // Случевский К. К. Стихотворения / Сост. и вступ. ст. В. А. Приходько. Петрозаводск, 1981. С. 5–22.
5. *Радле Ф.* Ходасевич — поэт гротеска // *Воздушные пути*. 1965. № 4. С. 256–261.
6. *Скворцов А. Э.* Из принцев в нищие: О генезисе формы русских сатирских стихов // *Вопросы литературы*. 2009. № 3. С. 209–233.
7. *Скворцов А. Э.* Самосуд неожиданной зрелости: Творчество Сергея Гандлевского в контексте русской поэтической традиции. М., 2013.
8. *Скворцов А. Э.* Поэтическая генеалогия: Исследования, статьи, заметки, эссе и критика. М., 2015.
9. *Солнцева Н. М.* Поэзия В. Ф. Ходасевича: От символизма к неоклассицизму // *Знание. Понимание. Умение*. 2012. № 2. С. 173–178.
10. *Тахо-Годи Е. А.* Валгалла Константина Случевского или вечный дебют // *Случевский К. К.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подг. текста и прим. Е. Тахо-Годи. СПб., 2004. С. 5–34 («Новая библиотека поэта»).
11. *Тахо-Годи Е. А.* Константин Случевский. Портрет на пушкинском фоне. СПб., 2000.
12. *Успенский П. Ф.* Творчество В. Ф. Ходасевича и русская литературная традиция (1900-е гг. — 1917 г.). Тарту, 2014.
13. *Успенский П. Ф.* «Начинаются мрачные сцены»: Поэзия Н. А. Некрасова в «Европейской ночи» В. Ф. Ходасевича // *Europa Orientalis*. 2012. № 31. С. 129–170.

REFERENCES

1. *Bogomolov N. A.* Zhizn i poeziya Vladislava Khodasevicha // *Khodasevich V. F. Stikhotvoreniya*. L., 1989. S. 5–49. (In Russ.)
2. *Bogomolov N. A.* Poety vne techenij i grupp // *Russkaya literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov): V 2 t.* M., 2001. T. 2. S. 650–682. (In Russ.)
3. *Pil'd L. L.* O literaturnykh podtekstakh i retseptsii stikhotvoreniya K. Sluchevskogo «Posle kazni v Zheneve» // *Humaniora: Litterae Russicae*. Trudy po russkoj i slavjanskoj filologii. Literaturovedenie. Tartu, 2009. Vyp. VII (Novaja serija): K 80-letiju so dnja rozhdenija

- Z. G. Minc, k 85-letiju so dnja rozhdenija Ju. M. Lotmana. S. 178–191. (In Russ.)
4. *Prihod'ko V. A.* «A Yaroslavna vse-taki toskuet...» // Sluchevskij K. K. Stihotvoreniya / Sost. i vstup. st. V. A. Prihod'ko. Petrozavodsk, 1981. S. 5–22. (In Russ.)
 5. *Radle F. Khodasevich — poet groteska* // Vozdushnye puti. 1965. № 4. S. 256–261. (In Russ.)
 6. *Skvortsov A. E.* Iz printsev v nishchie: O genezise formy russkih sadistskikh stihkov // Voprosy literatury. 2009. № 3. S. 209–233. (In Russ.)
 7. *Skvortsov A. E.* Samosud neozhidannoj zrelosti: Tvorchestvo Sergeya Gandlevskogo v kontekste ruskoj poeticheskoj traditsii. M., 2013. S. 182–188. (In Russ.)
 8. *Skvorcov A. E.* Poeticheskaya genealogiya: Issledovaniya, stat'i, zametki, esse i kritika. M., 2015. (In Russ.)
 9. *Solntseva N. M.* Poeziya V. F. Khodasevicha: Ot simbolizma k neoklassitsizmu // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 2. S. 173–178. (In Russ.)
 10. *Takho-Godi E. A.* Konstantin Sluchevskij. Portret na pushkinskom fone. SPb., 2000. (In Russ.)
 11. *Takho-Godi E. A.* Valgalla Konstantina Sluchevskogo ili vechnyj debut // Sluchevskij K. K. Stikhotvoreniya i poemny / Vstup. st., sost., podg. teksta i prim. E. Taho-Godi. SPb., 2004. S. 5–34. («Novaya biblioteka poeta») (In Russ.)
 12. *Uspenskij P. F.* «Nachinayutsya mrachnye stseny»: Poeziya N. A. Nekrasova v «Evropejskoj nochi» V. F. Khodasevicha // Europa Orientalis. 2012. № 31. S. 129–170. (In Russ.)
 13. *Uspenskij P. F.* Tvorchestvo V. F. Khodasevicha i russkaya literaturnaya traditsiya (1900-e gg. — 1917 g.). Tartu, 2014. (In Russ.)